

Повесив трубку, Лин Чэрэ устался на архив, присланный Фэн Шэнькэ в мессенджере. Кончики его пальцев зависли над экраном, так и не решившись коснуться стекла. Сердце в груди колотилось быстро и сбивчиво, а руки неконтролируемо дрожали.

Сделав глубокий вдох, он наконец нажал кнопку Распаковать.

Индикатор прогресса полз мучительно медленно, словно каждое мгновение вытягивало наружу его запечатанные воспоминания. Когда процесс завершился, он открыл первое видео. Из динамика мгновенно донеслись резкие, вызывающие тошноту голоса:

— Поглядите на длинные ноги нашего второго молодого господина Лина! Ц-ц-ц, с такими ногами я бы и год не слезал!

— Кто бы спорил! Вечно ходит в кроп-топах, в шортах, выставляя напоказ поясницу и ноги — разве это не прямое приглашение для мужиков?

— Сегодня мы, братва, как следует тебя накормим! Посмотрим, какой ты распутный, какой ты шлюховатый!

Грязные слова в видео, словно пропитанные ядом иглы, вонзились в уши Лин Чэрэ. Он с силой сжал телефон, до крови прикусив кончик языка — только металлический привкус во рту помог ему сдержать подступивший к горлу всхлип. Картины насилия и унижений всплывали в памяти, грозя поглотить его целиком.

Он закрыл глаза и, поддавшись инстинкту, дрожащими пальцами открывал файлы один за другим, нажимая Удалить навсегда. С каждым удаленным видео старые раны словно разрывались заново, отчего его колотило мелкой дрожью.

Когда последний файл исчез из списка, он больше не смог держаться. Прижав телефон к груди, он уткнулся лицом в сгиб локтя. Он не рыдал в голос — лишь плечи его содрогались в беззвучных рыданиях. Горячие слезы пропитывали рукав, стекали по рукам и капали на экран телефона, размывая изображение в мутное пятно.

Растоптанное достоинство, клеймо позора — теперь, с удалением этих файлов, казалось, появилась слабая надежда на исцеление. Но в то же время самая глубокая рана в его душе вновь обнажилась, истекая кровью.

Три дня спустя Лин Чэрэ, одетый в черную толстовку и спортивные штаны, вошел в здание суда. Капюшон был глубоко натянут на голову, скрывая большую часть лица. Едва он успел сесть в углу скамьи для слушателей, как рядом раздался нарочито громкий шепот:

— Это не тот самый второй сын семьи Лин? У него еще хватает наглости показываться на людях? Не стыдно?

— Какой он второй сын? Просто подкидыш из сказки про замену принца!

— Слышала, его родная мать — проститутка. Чтобы обеспечить сыну хорошую жизнь, она подменила настоящего наследника в больнице! Бедный парень столько лет страдал в грязи с этой женщиной!

— И не говори, Бог всё видит! Наслаждался тем, что ему не принадлежало, но за всё приходится платить. Теперь вот докатился до того, что его каждый встречный имеет! Такова судьба!

— Заткнитесь, суки! — Лин Чэрэ резко вскинул голову. Его глаза налились кровью, на сжатых кулаках вздулись вены. Он вскочил, намереваясь броситься на них, но путь ему преградил сотрудник охраны:

— Господин! В зале суда запрещено шуметь и устраивать беспорядки! Если не успокоитесь, нам придется вас вывести!

Лин Чэрэ стиснул зубы, загоняя гнев внутрь. Ногти впились в ладони, оставляя кровавые следы. Женщины, сплетничавшие о нем, тихо рассмеялись — они выглядели как победительницы в битве и продолжали болтать еще наглее. Лин Чэрэ впился взглядом в женщину средних лет, сидевшую в центре группы; его глаза были темнее грозовых туч. Видимо, его взгляд оказался слишком пугающим — компания наконец притихла и поспешно сменила тему.

В этот момент у входа в зал начался шум. Вошли Лин Тэн с женой Фэн Шуан, старший сын Лин Цзесин и тот самый новоявленный истинный наследник Лин Баосин. Раньше его звали Вань И, а теперь он стал Баосином — по одному этому имени можно было понять, как сильно семья дорожит обретенным сыном.

Четверка вошла, оживленно переговариваясь и улыбаясь, словно они пришли на прогулку, а не в серьезный зал суда. Лин Чэрэ лишь мельком взглянул на них и тут же отвел глаза.

Семья Лин привычно здоровалась со знакомыми в зале. Когда их взгляд скользнул по Лин Чэрэ, они отпрянули, словно увидели прокаженного, и поспешили сесть как можно дальше, будто одно лишь приближение к нему могло их осквернить.

Наблюдая за этой сценой, Лин Чэрэ медленно сжал руки, лежавшие на коленях. Его лицо похолодело, словно на нем застыл лед.